
АННА АХМАТОВА

REINHARD LAUER

АННА АХМАТОВА

Стихотворения

Государственное
издательство
художественной
литературы

Москва 1958

Под общей редакцией
А. А. Суркова

Оформление художника
М. Шлосберга

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

1909—1957

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне . . .
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй ! . .

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все, как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят . . .
Свежих лилий аромат,
И слова твои простые.

1909

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло.

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе,
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка.
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

1910

... А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в иное ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя . . .
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

1911

ПУШКИН

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шёлест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни . . .
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

1911

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой,

И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый ад !
О, я была уверена,
Что ты придешь назад !

1911

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю : он жив, он дышит,
Он смеет быть непечальным.

1912

Слаб голос мой, но воля не слабеет.
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Так прошлое над сердцем власть теряет.
Освобожденье близко, все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

1912

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще зеленой ;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки :
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте
Стынет небо тускло-голубое . . .
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное.

1912

Как вплелась в эти темные косы
Серебристая нежная прядь —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.

Чутким слухом далекое слышишь
И на тонкие ветки ракит,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь,
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.

1912

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

И мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

Знаю, знаю — снова лыжи
Сухо заскрипят,
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены,
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути,
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

1913

В ДЕТСКОЙ

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.

Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча.
Для чего он вышит?

1914

РАЗЛУКА

Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил : «Не позабудь».
А нынче только ветры,
Да крики ластухов,
Да великаны кедры
У чистых родников.

1914

Перед весной бывают дни такие :
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело сухие
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

1915

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно
туманный :

Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?

О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане !

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать : «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

1915

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жгучей тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою . . .
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

1915

Ведь где-то есть простая жизнь и свет
Прозрачный, теплый и веселый . . .
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.
Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос музыки еле слышный.

1915

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?
Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам . . .
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.
И муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

1915

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдию рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915

М. Л.

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где жидкие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, —
Венцом червонным заплетутся розы,
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино . . .
И снова тем же раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

1916

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном !
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мной сегодня птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

1916

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища бессмертного труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне :
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1916

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Н. В. Недоброво

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой,
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной . . .
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной !

1916

ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу,
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

1917, март

И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках . . .

1917, июнь

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки татарки
Были редкостью подарки ;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела,
И впервые пожалела,
И вздохнула : «Ах, года !
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный,
Так сказала : «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала :
«Горя много, счастья мало», —
И ушла, закрыв лицо ;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали :
«Мы кольцо везде искали —
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».

И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны :
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться,
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать :
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.
.
Не придут ко мне с находкой.
Далеко над быстрой лодкой
Забелели паруса,
Заалели небеса.

1917, июль

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

1917, лето

.

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно, понял : крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

1921

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши : «Воскресни !»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
А что теперь?

1921

РАЗЛУКА

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, —
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных,
Пленников, заложников, рабов.
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

1922

Хорошо здесь : и шелест и хруст ;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

Здесь Пушкина изгнание началось,
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час,
Сияние неуголенных глаз.
Бессмертного любовника Тамары.

1927, Кисловодск

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать :
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал . . .
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

В О Р О Н Е Ж

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвонят сильнее,
Как будто пьют за ли́кованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

1936

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так : какая-то истома,
В ушах не умолкает бой часов,
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесах растет трава,
Как по траве идет с котомкой лихо . . .
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И эти продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936

Годовщину веселую празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под желтых конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх, —

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня за плечом.
И, внезапным согретый лучом,
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене . . .
И стих уже звучит задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1940

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса . . .
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопя судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже растущий гул прилива
Слышался, когда ты нам читал :
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,

Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать как боевой сигнал.

1940

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Л.

Пускай над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,
Мне улыбнется так же кротко,
Как тридцать лет тому назад,
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникнут, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
Чтоб над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал.

1940

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1941

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА

Cadran solaire¹ на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем спилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда.

1941

¹ Cadran solaire — солнечные часы (франц.).

С грозных ли площадей Ленинграда,
Иль с блаженных летейских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей.

1942, Ташкент

ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла,
Как будто «Лунная Соната»
Нам сразу путь пересекла.

1944, Ташкент

Н О Х

(Статуя «Ночи» в Летнем саду)

Ноченька !
В звездном покрывале,
В траурных маках с бессонной совой.
Доченька !
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви.
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

1942

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак :
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак !
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок . . .
Шехерезада
Идет из сада,
Так вот ты какой, Восток.

1942, Ташкент

Все опять возвратится ко мне :
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
Белоснежных нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестит по стране.

1943, Ташкент

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава !
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть ?

1943

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим :
То, что бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счета
С пламенем, и ветром, и водой . . .
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942

И как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с зёмли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли . . .

1944

1

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь.

И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.

И время прочь, и пространство прочь . . .
Но и ты мне не можешь помочь.

2

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою . . .
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты весеннею порою
Через звезды мне прислал привет.

И сердце тó уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено . . . И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1946

**ОТРЫВОК ИЗ ДРУЖЕСКОГО
ПОСЛАНИЯ**

Н. И. Игнатовой

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока . . .

1944—1950

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит . . .
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит ;
Когда он Пушкинскому дому,
Прощаясь, помахал рукой,
И принял смертную истому,
Как незаслуженный покой.

1946

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

1942, 23 февраля

К Л Я Т В А

**И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.**

1941

**ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ**

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг,
Но это был не городской,
Да и не сельский звук,
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вождение лугов —
Веселых ливней весть,
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить, по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

1941 .

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои !
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

1942

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

Что делать мне ? Они тебя сожгли,
О, встреча, что разлуки тяжелее...
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

1944

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ,
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскано щедрой
судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
И туда не вернусь ! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

1957

НАСТУПЛЕНИЕ

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится священное тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

1942

П О Б Е Д А

1

27 января 1944 года

И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

2

О с в о б о ж д е н н а я

Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля,
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.

3

У м о р я

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

В е л и к и й д е н ь

Победа у наших стоит дверей . . .
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

1945

С САМОЛЕТА

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела,
Я знала : это все мое —
Душа моя и тело.

2

Как мой лучший день я отмечу,
День, когда о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

3

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дома, дома — ужели дома !
Как все ново и как знакомо,

И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова . . .
В свежем грохоте майского грома, —
Победительница Москва !

1944, Ташкент—Москва

А вы, мои друзья последнего призыва !
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена,
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена !
Да что там имена !
Ведь все равно вы с нами . . .
Все на колени, все !

Багровый хлынул свет ! . .
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами,
Живые с мертвыми : для славы мертвых нет !

1944

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

1945

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их всежжигающая соль.
Но мнится мне : в сорок четвертом
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.
Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, —
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

1 июня 1946, Ленинград

Прошло пять лет, — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,

и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят,
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где был пожар — благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, —
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя !

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

1950, май

ПЕСНИ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя !
И Расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей отчизне человек.
Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей, —
Вас у далекого порога
Ждет сердце ласковых друзей.
Лети в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

1950

Г О В О Р Я Т Д Е Т И

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад и вольно дышит город
Приморским ветром свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени —
Пришелец милых на сухом асфальте —
Как свежая улыбка . . .

Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора эти голоса — из хора сирот, —
И звуков нет возвышенней и чище,
Не громкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос,
Пронзительный, как флейта.

Он несется

Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.

И он доходчив,

Как жаворонка утренняя песня.
Он — всем родной и до конца понятный . . .
О, это тот сегодня говорит,
Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,

Как две звезды, —

и это тот,

Кто спрашивал :

«Когда отца убили?»

Ему никто не смеет возразить,

Остановить его и переспорить . . .

Вот он, светлоголовый, ясноглазый,

Всеобщий сын, всеобщий внук.

Клянемся,

Его мы сохраним для счастья мира !

1 июня 1950

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ

Ане Каминской

Как будто заблудившись в нежном лете,
Бродила я вдоль липовых аллей
И увидала, как плясали дети
Под легкой сеткой молодых ветвей.
И на лужайке этот резвый танец,
И сквозь загар пробившийся румянец,
И быстрые движенья смуглых рук
На миг заморозили все вокруг.
Алмазами казались солнца блики,
Волшебный ветерок перелетал
И то лесною веял земляничкой,
То соснами столетними дышал.
Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым.
... Там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама,
 любуйась ими,
С улыбкою чело склонила к ним.

1950, июль, Павловск

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невиской дельте,
как при Петре, — была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья
в песке прибрежном грустно догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

* * *

Но ранним утром вышли ленинградцы
бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустынной,
на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясный, под огромным небом :
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,
и соком наливаются дубки,
а лиственницы нежные и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любят себя . . .

И там, где прежде парус одинокий
белел в серебряном тумане моря,
десятки быстрокрылых, легких яхт
на воле тешатся . . .

Издалека
восторженные клики с стадиона
доносятся . . .

Да, это парк Победы.

1950

ПРЕДЫСТОРИИ

Я теперь живу не там . . .
Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут «громады»
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом : Henriette, Basile, André
И пышные гроба — Шумилов старший.

Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Прикинуться старинной литографьей —
Не первоклассной, но вполне пристойной
Семидесятых, кажется, годов.

Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков . . . Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски ! Прохожу.

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садах подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с всяким местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну.
(А в Оптиной мне больше не бывать . . .)

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
И тот же плюш на креслах . . .
Все разночинно, наспех, как-нибудь . . .
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них!),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила --
Ненужный дар моей жестокой жизни . . .

Страну знобит, а старый каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет,
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

1946

CINQUE¹

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но живого и наяву
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.

¹Cinque — пять. (итал.).

В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса : твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

3

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего !

4

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить,
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет.
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь.

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?
И какое крошечное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

1945—1946

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо . . .
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И, кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине.

1944—1956

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Таинственной неустречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи, --
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь,
И только слезы рады,
Что можно долго течь.
Шиповник Подмосковья
Увы! при чем-то тут...
И это всё любовью
Бессмертной назовут.

1956

2.

Ты опять со мной, подруга осень!
Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду,
Здесь северно очень, и осень в подруги
Я выбрала в этом году.
Сюда принесла я блаженную память
Последней неустречи с тобой --
Холодное чистое легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1957

О Т Р Ы В О К

Так под кровлей Фонтанного дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей;
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен,
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
А земля под ногой гудела,
И такая звезда глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука . . .
Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.
.
А не ставший моей могилой,
Ты, гранитный, крошечный, милый.
Побледнел, помертвел, затих.

Разлучение наше мнимо :
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отражение мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвьем братских могил.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц . . .
Над тобой — лишь твоих прелестниц,
Белых ноченок хоровод.

.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над Ладогой и над лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.
А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя «Седьмая»,
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.
Не сраженная бледным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И сжимая уста, Россия
От того, что сделалось прахом,
В это время шла на Восток.
И себе же самой навстречу

П Е Р Е В О Д Ы

Ц У Й Ю А Н Ъ

ИЗ ПОЭМЫ ЛИСАО

Мной движет чувство радости и мира,
Подругу, странствуя, везде ищу,
Пока мое убранство ароматно,
Я вышел в путь, чтоб видеть земли все.

Линфэнь мне счастье в жизни предсказала,
Назначила отбытья добрый день,
Бессмертья ветвь дала мне вместо риса,
Дала нефрит толченый вместо яств,

Крылатого дракона обузда
И колесницу яшмой убрала.
Несхожим душам должно расставаться,
Уйду далеко, чтоб развеять скорбь.

На Куэньлунь лежит моя дорога,
Я вдаль иду, чтоб весь увидеть свет.
Я стягом-облаком скрываю солнце,
И песня птицы сказочной звенит.

Тяньцзинь покинув рано на рассвете,
Я на закате прилетел в Сицзи.
Покорно феникс держит наше знамя,
И величаво стелется оно.

Мы вдруг приблизились к пескам сыпучим,
И вот пред нами — Красная река.
Быть мне мостом я приказал дракону,
Владыка Запада меня впустил.

Трудна и далека моя дорога,
Я свите ожидать меня велел.
Наш путь лежал налево от Бучжоу,
И Западное море — наша цель.

Мои в нефрит одеты колесницы,
Их тысяча, они летят легко,
И восемь скакунов в упряжке каждой,
Как облака, над ними шелк знамен.

Себя сдержав, я замедляю скачку,
Но дух мой ввысь уносится один.
Священных Девять песен запеваю, —
Пусть радостью мне будет этот миг.

И вот приблизился я к свету неба
И под собою родину узрел.
Растрогался возница . . . конь уныло
На месте замер, дальше не идет.

Л И Ш А Н Ь - И Н Ь

Б Е З Н А З В А Н И Я

(К безымянной)

Клялась прийти,
Но все один я ныне.
Ушла, ушла,
И нет ее в помине,
А месяц косо
Освещает ложе,
Заря близка,
Ночь очень скоро минет.
О! и во сне
Она неуловима,
Зову в слезах, —
Она проходит мимо ;
И тушь никак
Не сделать мне густою,
Когда письмо
Хочу писать любимой.
И половины
Нет свечи зеленой
В подсвечнике,
Где блещут алкионы
И лотосами вышит
Девий полог
И мускусом
Надушен благовонным.
Я, как Лю Чень,

Горюю о пропаже :
Мою Пэн Лай
Я не увижу даже,
Ведь отделен
Я от Пэн Лай волшебной
Громадами
Непроходимых кряжей.

Ю Н С О Н Д О

ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА

В е с н а

1

Над рекой рассеялся туман,
Над горою засияло солнце.
Лодку выводи, рыбак, скорей !

Вот ночная отошла вода,
И уже идет вода дневная.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Пусть селенье у реки в цветах,
Мне милей краса цветов нагорных !

2

О, какой сегодня жаркий день,
Из глубин речных всплывают рыбы.
Якорь выбирать пора, рыбак !

Чайки белые вдвоем, втроем
Над речною гладью заметались.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Удочка со мной. А взял ли я
На дорогу и вина в кувшине?

3

Ветерок с востока веет к нам,
И приятен плеск волны зеленой.
Парус подымать пора, рыбак !

И, на запад направляя путь,
Озером восточным я любуюсь.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Вот я гору миновал одну,
А за ней другая показалась.

●

4

Чей там голос, — не кукушка ль там?
Что там зелено, — неужто ивы?
Ты гребь, гребь туда, рыбак !

Исчезая и всплывая вновь,
Сквозь туман селенье показалось.
Ты плечи, весло мое, плечи !

В омуте прозрачном подо мной
Рыбы серебристые резвятся.

Солнце жарко льет полдневный луч,
И вода в реке как будто масло.
Ты гребь, гребь туда, рыбак !

Что на месте мне одном стоять,
Рыбу я ловить повсюду стану.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Но «Чиста Цанланская вода»
Вспомнил — и совсем забыл про рыбу.

Угасает поздняя заря.
На сегодня хватит ! В путь обратный !
Парус опускай, рыбак, скорей !

А цветы и ивы на холмах
Новые за каждым поворотом.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Здесь ли к трем правителям страны
Завистью мне мучиться прилично ?

Как душисты травы и цветы !
Отвезу домой я орхидею.
Ты ладью останови, рыбак !

Лепестком ладья твоя плывет ;
Что за груз в ней у тебя сегодня ?
Ты плечи, весло мое, плечи !

Из дому я в ней увез туман,
А везу в ней лунный свет обратно.

8

Опьянев, я было лег на дно,
Но спускаться надо за пороги.
Лодку привяжи свою, рыбак !

Лепестками роз полна река ;
Я в страну волшебную заехал.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Как теперь далеко от меня
Прах багровый суетного мира !

9

Любоваться я хочу луной,
Что сияет сквозь навес над лодкой.
Якорь брось, рыбак, скорей на дно !

Но, однако, разве это ночь ?
Слышен явственно кукушкин голос.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Мой восторг не ведает границ,
От себя гоню я мысль о доме.

Но светает, больше ночи нет.
 Быть и завтра ей такой короткой.
 Вот сюда причаливай, рыбак !

Опершись на палку, подхожу,
 Двери я ищу в своем жилище.
 Ты плечи, весло мое, плечи !

Здесь решил я провести всю жизнь,
 Как рыбак, в уединенье мирном.

Л е т о

Ливень прекратился, наконец,
 Речка снова сделалась прозрачной.
 Ты гребь, гребь, гребь, рыбак !

И не в силах я сдержать восторг,
 С удочкою в путь я отправляюсь.
 Ты плечи, весло мое, плечи !

Кто волшебной кистью написал
 Эту реку в дымке, эти скалы ?

Я в листок завертываю рис,
 А закуску не к чему готовить.
 Якорь выбирай теперь, рыбак !

Шляпа от дождя на голове ль,
Плащ соломенный со мной ли в лодке?
Ты плечи, весло мое, плечи !

Все равно. Мне с чаек брать пример,
А они сегодня безмятежны.

13

Листья ряски ветер шевелит,
Под навесом лодочным — прохлада.
Парус опускать, рыбак, пора !

Летний ветер веет здесь и там,
Лодку волнам вверил я бесстрашно.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Я на север иль на юг плыву —
Все прекрасно, и не все равно ли ?

14

«Коль грязна Цанланская вода»,
В ней я, уходя, помою ноги.
Что ж ! Гребь, гребь, гребь, рыбак !

Осторожен будь, плывя в Уцзян,
Где бушует в ярости погибший.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Если ж ты к Чуцзяну поплывешь,
Берегись поймать поэта душу !

Как хорош замшелых камней строй,
А над ним серебряные ивы !
Ты гребь, гребь, гребь туда !

По пути я встречу рыбака,
Не повздорим мы из-за дороги !
Ты плечи, весло мое, плечи !

Если ж будет он, как цапля, сед,
Поступлю, как те, кто принял Шуня.

Что тускнеет долгий летний день,
Я совсем в восторге не приметил.
Опускай свой парус, опускай !

Будем петь рыбачью песнь, рыбак,
Отбивая такт рукой по мачте.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Кто поймет глубины древних чувств,
В этой песне дедовской сокрытых ?

Разостлал я сети на песке,
Чтоб поспать, под старый плащ забрался.
Крепче лодку привяжи, рыбак !

Комары докучны, говорят,
Но зеленые наглее мухи.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Я боюсь на свете одного :
Что об этом Сандэбу узнает.

18

Кто бы мог вчера предположить,
Что поднимет ветер ночью волны?
Якорь свой бросай, рыбак, бросай !

У безлюдной пристани челнок ;
Некому его сейчас отправить.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Как прекрасна в этот миг трава,
Что поникла там, над берегами.

19

Я на дом свой с нежностью гляжу ;
Весь он горным облаком окутан.
Лодку выгружай, рыбак, скорей !

С камышовым веером в руке
Выхожу на каменистый берег.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Кто теперь посмеет утверждать,
Что старик рыбак — пустой бездельник?

О с е н ь

20

Жизнь в забвенье мира — торжество.
Так живет рыбак на этом свете.
Лодку выводи, рыбак, скорей !

Что смеетесь вы над рыбаком?
Все художники его писали.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Хороши и лето и весна,
Но что может с осенью сравниться?

21

Осень подошла к стране озер.
Рыбы жир за лето накопили.
Якорь подымай, рыбак, скорей !

Погуляем-ка теперь, рыбак,
По волнам бескрайней водной шири !
Ты плечи, весло мое, плечи !

Я отсель на мир людей гляжу.
И чем дальше он, тем я счастливей !

22

Там, где гуси дикие летят,
Вдруг гора явилась из тумана.
Ты гребь, рыбак, гребь туда !

Еду я на ловлю, но сильней
Всех страстей — восторг перед природой.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Свет вечерний и широк и щедр,
Сотни гор, как в парчевом уборе.

23

Как обилен нынче мой улов,
Серебристой рыбы полны сети.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак !

Я сейчас нарежу камыша,
Разведу огонь, и будет ужин.
Ты плечи, весло мое, плечи !

А потом кувшин я наклоню,
Чарку я налью себе до края.

24

Как приятно веет ветерок !
Рыбаки другие едут с ловли.
Опускай свой парус, опускай !

Пала на землю густая тень,
Но в груди моей избыток счастья.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Никогда глядеть не надоест
На реку в багровых листьях клена.

Заблестела белая роса,
 На небо взошла луна, сияя.
 Лодку придержи, рыбак, свою !

Королевский далеко дворец —
 Вот где б свету лунному струиться !
 Ты плечи, весло мое, плечи !

Если ж нет, пусть мне пришлет луна
 Трав бессмертья, что готовит заяц.

Нет двух мест, что схожи меж собой.
 Где еще такое место сыщешь ?
 Лодку привяжи скорей, рыбак !

Мира пыль сюда не долетит,
 Оттого-то здесь не нужен веер.
 Ты плечи, весло мое, плечи !

Здесь людских не слышу я речей,
 Скверну их с ушей смывать не надо.

Иней мне одежду побелил,
 Но в восторге холода не чую.
 Якорь брось скорей, рыбак, на дно !

Ненадежен легкий мой челнок,
Но ведь жить с людьми еще опасней !
Ты плечи, весло мое, плечи !

Пусть таким и завтра будет все,
Будет тем же пусть и послезавтра !

28

На скале средь сосен дом стоит.
Вот бы где луною любоваться !
Лодку привяжи, рыбак, скорей !

Но дорогу разве отыскать
Темной ночью на горе безлюдной ?
Ты плечи, весло мое, плечи !

Надо мной нависли облака,
Плющ опутал голову и плечи.

29

Но внезапно тучи пронеслись,
Сразу все под солнцем засверкало.
Лодку отправлять пора, рыбак !

И природа словно замерла,
Только синь морская неизменна.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Глубже море кажется теперь,
И белее волн высоких пена.

З и м а

30

Что, готов ли к лову ты, старик,
Насадил ли на крючок наживку?
Якорь подымай тогда скорей !

Есть в Китае озеро Дунтин,
Там зимою замерзают сети.
Ты плечи, весло мое, плечи !

А у нас обилен зимний лов,
Как нигде еще в подлунном мире.

31

Здесь зимою воды из реки
В озеро далекое уходят.
Подымай же парус, подымай !

Радуйся, что нынче тихий день,
И в открытое направься море.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Там, как говорят, идет сама
На наживу рыба-великанша.

32

Ночью снег шел, перестал к утру,
И мгновенно все преобразилось.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак !

Впереди синеет моря гладь,
Позади в снегу сияют горы.
Ты плечи, весло мое, плечи !

То даосский рай иль царство будд,
Но не мир людей обыкновенных.

33

Невод прочь, — и песню я пою,
Отбивая такт рукой по лодке.
Ты гребь, гребь, гребь, рыбак !

Чтобы малый пересечь залив,
Надо ли гадать и колебаться !
Ты плечи, весло мое, плечи !

Но свирепый ветер все сильнее,
И я в путь пуститься не решаюсь !

34

Предо мной летят, ища ночлег,
Чайки белокрылые без счета.
Парус опустить, рыбак, пора !

Впереди дорога в темноте,
И к тому же снег валит пушистый.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Да и впрямь совсем как в старину,
Та же ночь, такой же снег и чайки.

Ширмой расписной кругом стоят
Красные, зеленые утесы.
Лодку придержи, рыбак, свою !

И богат улов иль нет, что в том?
Все равно, крупна, мелка ли рыба.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Я сижу в соломенном плаще,
В шапке лубяной, — кругом безмолвье.

Сосенка одна на берегу
Кажется черней на белом снеге.
Лодку придержи, рыбак, свою !

Тучи темные вокруг, — пускай
Мир они постылый застилают.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Волны шумные бушуют, — что ж !
Шум мирской зато созсем не слышен

С древних лет являлись мудрецы,
Что с природой-матерью дружили.
Якорь брось, рыбак, теперь на дно !

Ян Цзы-лин в овчину был одет,
У порогов Цзилитань трудился.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Он руками, что мороз сковал,
Рыбу десять лет ловил. Таков я.

38

Но увы ! Уже подходит ночь,
Отдохнуть и мне пора сегодня.
Лодку привяжи, рыбак, скорей !

Снег идет, огонь горит в дому,
Я туда счастливый возвращаюсь.
Ты плечи, весло мое, плечи !

Буду любоваться я луной
Сквозь окно морозное до света.

КИМ СУ ЧЖАН

Так жизнь моя становится все проще,
И вот при мне остались, наконец,

Лоз виноградных, может быть, десяток
И списки всех любимых мной стихов.

И никогда меня не покидают —
А значит, любят ветер и луна.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Средь тварей всех и на земле и в небе
Что страх внушает, что вселяет ужас?
Тигр белолобый, волк или гиена,
Удав, гадюка, скорпион, стоножка,
Лесная нежить, упыри и злыдни,
Мондár¹ и челядь властелина Ада,
Посланцы всех владык из Царства мертвых...
Всю эту нечисть ты перевидавший,
Когда с любимой тщетно ищешь встречи,
В твоей груди пылает пламень жгучий,
И ты горишь уж не живой, а мертвый.
И вот ты с нею встретился, и что же?
Дрожишь, объят неодолимым страхом,
И руки, ноги у тебя чужие,
И перед ней не можешь слова молвить...
Воистину, она всего страшнее.

¹ Мондár — неприкаянные души, умерших до брака.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Расставался я с тобой вчера
У окна с лазурной занавеской.

На цветы, что падали, кружась,
На луну, висевшую на иве,

Равнодушно я хотел глядеть,
Но не одолел тоску разлуки.

ЛИ К В А Н У К

Забыл я почести и славу,
Богатство, знатный род забыл ;

Забыты горести навеки,
Тревоги, жизни суета ;

Я даже сам забыт собою,
Не надо вспоминать меня.

Х О Н С О Б О Н

Оттого ли, что в миг расставанья
Из очей моих кровь проливалась,

Амноккана глубокие воды
Голубеть навсегда перестали?

И промолвил гребец седовласый :
«Видел все, но такое — впервые !»

КИМ САН ХЁН

«Погибни, Наньпа !
Но голову не гни перед неправдой».

И, улыбаясь, отвечает Наньпа :
«Ты так сказал. И я умру с тобою».

А после сколько мѹжей знаменитых
Рыдали, эти слушая слова !

БИКТОР ГЮГО

МАРЬОН ДЕЛОРМ

(Отрывок из трагедии)

Д и д ь е

Мари, нельзя шутить, о друг мой несравненный,
Словами этими — они навек священные.
Вы любите меня? Известна ль вам любовь,
Что превращается в наш день, и в ночь, и в кровь,
Чем дольше скрытая, тем огненной сияет
И пламенем своим нам душу очищает,
И в глубине сердец, куда мы прячем их,
Сжигает призраки других страстей земных ;
Любовь, что ни надежд не знает, ни предела,
Но все перенести, все вытерпеть умела?
Вы о такой любви здесь говорили?

М а р ь о н

Да.

Д и д ь е

О, вы не знаете, что ваш я навсегда.
С дня встречи нашей жизнь мечты озолотили,
И милые глаза мне в темноте светили.
Все изменилось вдруг. Теперь вы предо мной,
Как дух неведомый, небесный вестник мой.
Ту жизнь, где я стонал глубоко, безысходно,
Теперь увидел я прекрасной и свободной
Затем, что я до вас блуждал, был одинок,
Боролся и страдал, но счастлив быть не мог...

АЛЕКСАНДР ЦАРУКАЕВ

Л Е Т О М

Дождь проливши благодатный,
Туча в дальний путь ушла.
Крылья в поле необъятном
Кукуруза подняла.

Ливень-дождь помог природе,
Соком землю одарив,
И на солнечном восходе
Блещут волны спелых нив . . .

За осокой бор дремучий,
Дальше пастбище легло.
Словно каменная туча,
У воды стоит село.

И колхозные ребята
Вышли шумною гурьбой,
Чтоб расчистить до заката
Кукурузы лес густой.

Волны желтые бушуют,
Сколько света и тепла,
Убегают врассыпную
По полю перепела.

Летний ветер вольно пляшет,
В тених облачных земля . . .
И крылом зеленым машут
Кукурузные поля.

1950

ПЕРЕЦ МАРКИШ

О С Е Н Ь

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь искать свою нору.

И сад не сторожат — пусть входит кто захочет,
Там вихри, холод, дождь секущий и косой,
И — никого. Печаль одна здесь слезы точит,
Но вдруг жужжание слух поразило мой.

Пчела спешит пешком по рыхлому песочку,
Тяжелым обручем пчелиный сжат живот,
И так ползет она чрез пень и через кочку,
Пока на голову в смятенье не встает, —

И крылышки свои вдруг задирает криво,
Как зонтик сломанный, они тогда торчат,
И смерть уже слышна в жужжанье торопливом . . .
На осень тишина переезжает в сад.

АЛЕКСАНДРУ ТОМА

СКИТАЛЕЦ

Когда в твои шатры приходит гость,
Встречай добром : ему дай хлеба, соли,
На раны воду лей, спасай от боли,
Но ты его расспрашивать не смей,
Куда идет, явился он отколе.

Зачем тебе о месте слышать том,
Что, верно, скрыли времени туманы . . .
Где он познал бесчестье и обманы . . .
Твоим словам не надо растравлять
Целимые твоей водою раны.

И для чего напоминать ему
О призраке какой-то страшной цели,
Он тащится и так уж еле-еле,
Пустыня за плечом, надежды нет,
И силы нет в кровоточащем теле.

Так дай же гостю хлеба и воды,
Скиталец он бездомный и гонимый,
Не спрашивай и лист, летящий мимо,
О ветке, на которой он блистал,
И о судьбе его неотвратимой.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

АФРИКА

В далекий тот и самый смутный век,
Когда создатель в творческой досаде
Опять крушил все то, что создал сам . . .
В тот день, когда от ярости его
Смятенная земля заколебалась,
Вмиг руки моря Красного тебя,
О Африка, от суши оторвали,
С материком восточным разлучив,
И поместили среди гор лесистых
Туда, где еле-еле брезжит свет,
На произвол судьбы тебя оставив.
Там тайны важные копила ты :
Открыла воды, что подобны небу,
Природы неизведанные чары
В тебе рождали к тайному любовь.
Ты ужас побеждала громким смехом,
В чудовищные куталась одежды
И увлекалась почитаньем духов
При грохоте священных барабанов.

О ты, погруженная в сумрак,
Ты, чей человеческий образ
Под черною тканью таится
От взоров людей недостойных !
Явились они с кандалами,

Такими, как когти гиены ;
То было насильников стадо,
И в душах их — мрак полуночный.
А их первобытная алчность —
Бесстыдна и бесчеловечна.
А имя им — работоторговцы.
И вот от беззвучного плача
На залитых кровью тропинках
Пыль стала кровавою грязью.
И комья той грязи надолго
Твои осквернили преданья.
А в это же время повсюду
На том берегу океана
Плыл набожно звон колокольный,
И он милосердного бога
И утром и вечером славил.
Играли кудрявые дети,
И в песнях поэтов звучали
Хвалы красоте . . .
Сейчас, когда западный ветер
Так резок, перед закатом,
Когда из тайных убежищ
Выходят хищники, воя,
Явись в скудеющем свете
Поэт эпохи грядущей,
Скажи потерявшему совесть
Одно только слово : «Опомнись !»
Среди голосов звериных
Это будет последним словом —
Внятным словом высокой мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи разных лет

(1909—1957)

«Подушка уже горяча...»	5
«Жарко веет ветер душный...»	6
«... А там мой мраморный двойник...»	7
Любовь	8
Пушкин	9
Белой ночью	10
«Безвольно пощады просят...»	11
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	12
Венеция	13
«Как вплелась в эти темные косы...»	14
«То пятое время года...»	15
«Цветов и неживых вещей...»	16
«Знаю, знаю — снова лыжи...»	17
В детской	18
Разлука	19
«Перед весной бывают дни такие...»	20
«Из памяти твоей я выну этот день...»	21
«Есть в близости людей заветная черта...»	22
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	23
«Зачем притворяешься ты...»	24
«Все мне видится Павловск холмистый...»	25
«Они летят, они еще в дороге...»	26
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	27
«Приду туда, и отлетит томленье...»	28
Царскосельская статуя	29
Песенка	30
«И в тайную дружбу с высоким...»	31
Сказка о черном кольце	32

«Просыпаться на рассвете . . .»	34
«Что ты бродишь, неприкаянный . . .»	35
«Сказал, что у меня соперниц нет . . .»	36
Разлука	37
«Хорошо здесь : и шелест и хруст . . .»	38
«Здесь Пушкина изгнание началось . . .»	39
«Тот город, мной любимый с детства . . .»	40
Воронеж	41
Творчество	42
«Годовщину веселую празднуй . . .»	43
«Мне ни к чему одические рати . . .»	44
Маяковский в 1913 году	45
Надпись на книге	46
«Все души милых на высоких звездах . . .»	47
Ленинград в марте 1941 года	48
«С грозных ли площадей Ленинграда . . .»	49
Явление луны	50
Нох (Статуя «Ночь» в Летнем саду)	51
Заснуть огорченной	52
«Все опять возвратится ко мне . . .»	53
Пушкин	54
«Многое еще, наверно, хочет . . .»	55
«И как всегда бывает в дни разрыва . . .»	56
«И время прочь, и пространство прочь . . .»	57
Отрывок из дружеского послания	59
Памяти Александра Блока	60
Мужество	61
Клятва	62
Первый дальнобойный в Ленинграде	63
«Щели в саду вырыты . . .»	64
Городу Пушкина	65
Наступление	66
Победа	67
С самолета	69
«А вы, мои друзья последнего призыва!»	71
Памяти друга	72
Вторая годовщина	73
«Прошло пять лет, — и залечила раны . . .»	74
Песня мира	76
Говорят дети	77
В пионерлагере	79
Приморский парк Победы	80
Предыстория	82

Cinque	85
«Третью весну встречаю вдали...»	88
Два стихотворения	89
Отрывок	90

П е р е в о д ы

ЦУЙ ЮАНЬ

Из поэмы Лисао. <i>С китайского</i>	95
---	----

ЛИ ШАНЬ-ИНЬ

Без названия (К безыменной). <i>С китайского</i>	97
--	----

ЮН СОН ДО

Времена года рыбака. <i>С корейского</i>	99
--	----

КИМ СУ ЧЖАН

«Так жизнь моя становится все проще...» <i>С корейского</i> ..	115
--	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

«Средь тварей всех и на земле и в небе...» <i>С корейского</i>	116
--	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

«Расставался я с тобой вчера...» <i>С корейского</i>	117
--	-----

ЛИ КВАН УК

«Забыл я почести и славу...» <i>С корейского</i>	118
--	-----

ХОН СО БОН

«Оттого ли, что в миг расставанья...» <i>С корейского</i>	119
---	-----

КИМ САН ХЁН

«Погибни, Наньпа!...» <i>С корейского</i>	120
---	-----

ВИКТОР ГЮГО

Марьон Делорм (Отрывок из трагедии). <i>С французского</i> .	121
--	-----

АЛЕКСАНДР ЦАРУКАЕВ

Летом. <i>Сосетинского</i>	122
----------------------------------	-----

ПЕРЕЦ МАРКИШ

Осень. <i>С еврейского</i>	124
----------------------------------	-----

АЛЕКСАНДРУ ТОМА

Скиталец. <i>С румынского</i>	125
-------------------------------------	-----

РАВИНДРАНАТ ТАГОР

Африка. <i>С бенгальского</i>	126
-------------------------------------	-----

Анна Андреевна
Ахматова
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор Л. Белов
Художеств. редактор Ю. Боярский
Техн. редактор В. Овсеенко
Корректор: Э. Зайчикова

•

Сдано в набор 25/VI—1957 г.
Подписано в печать 18/VII.—1958 г. А00000
Бумага 70×92¹/₂—4,13 печ. л.=4,8 усл.
Печ. л. 2,78 уч.-изд. л. Тираж 25000 экз.
Заказ № 225. Цена 2 р. 90 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

★

573264 Типография Атэнзум Будапешт.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
23	2 сн.	мражные	мрачные
121	1 св.	Биктор	Виктор
130	19 св.	Заснуть огорченной	«Заснуть огорченной...
131	7 сн.	Сосетинского	С осетинского

А. Ахматова, «Стихотворения»

